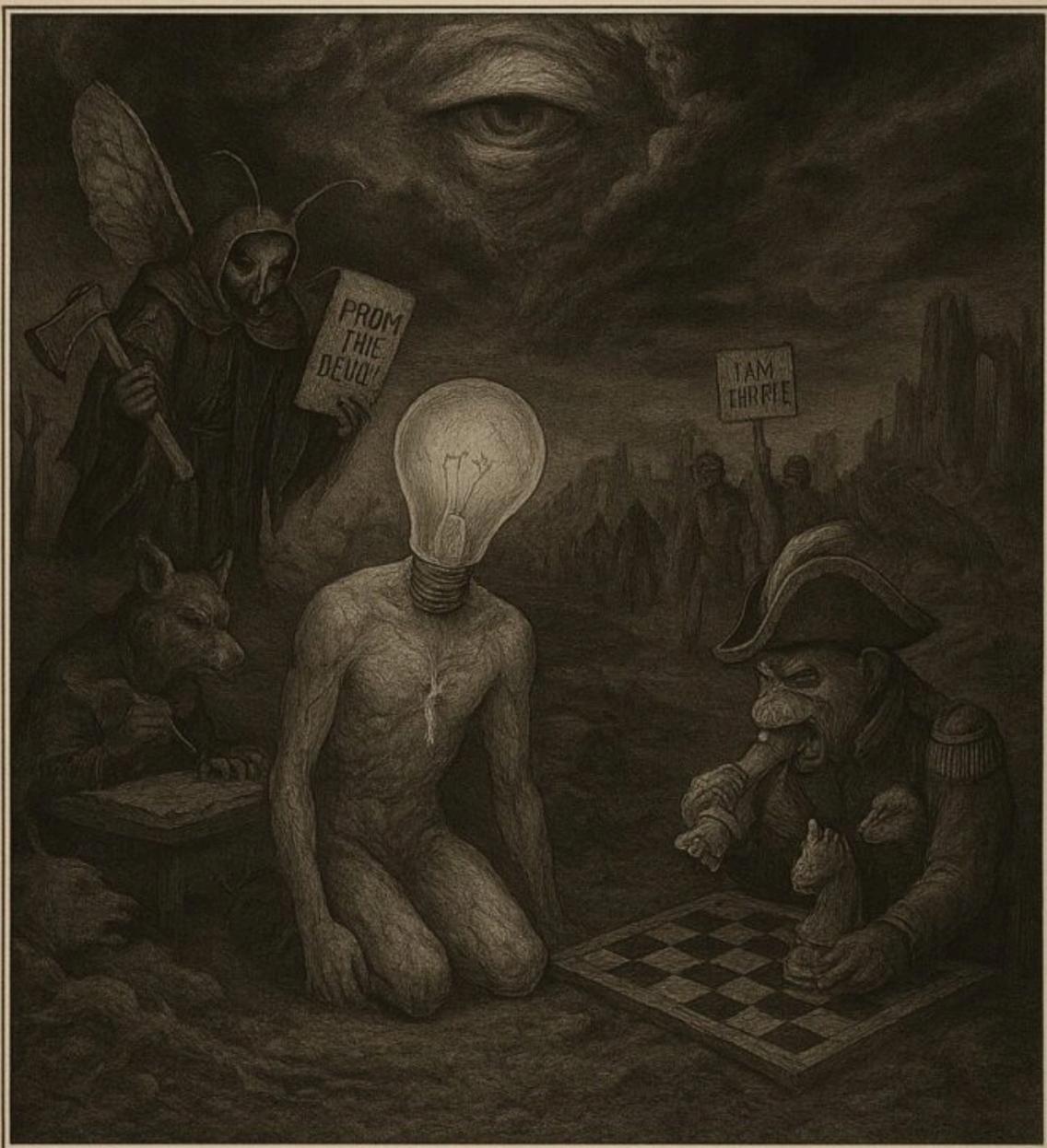

**Исповедь лампочки, которую
разбили за то, что она
светила**

Исповедь лампочки, которую
разбили за то, что она светила

Tvardovski

«LUX PERDITA. SAPIENTIA IN TENEBRIS.»
(«УТРАЧЕННЫЙ СВЕТ. МУДРОСТЬ ВО ТЬМЕ.»)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Как лампочка стала врагом мотылька

Иногда мне кажется, что вся моральная конструкция нашего общества держится на молчаливом соглашении: «Ты делаешь вид, что ты хороший, а я делаю вид, что тебя не замечаю». Белинский ещё в XIX веке тихонько шепнул в письме, а эхо раздаётся до сих пор: мерзавец побеждает потому, что обращается с тобой как с собой. То есть как с ничем. А ты, со своими щепетильными манерами и внутренним этическим кодексом, всё ещё думаешь, что внутри каждого волка живёт недокормленный зайчик.

Но лампочка не умеет кусаться. Она светит. А мотылёк – эта дурная ипостась души, которая всегда летит на красивое, – летит, сгорает, и обвиняет лампочку. Пишет жалобы в органы по правам мотыльков, собирает митинги с лозунгами «Свет – это насилие», требует компенсацию за обожжённые крылья. А потом летит другой, и всё повторяется. Свет оказывается виноват, потому что он существует.

Глупый ненавидит умного, как табуретка – пианино. Не потому что пианино играет, а потому что у табуретки всего четыре ноты – и те под зад. Образованный раздражает необразованного, как словарь раздражает пьяного дядю Васю, который не может найти там слово «душа» на первой странице. Воспитанный вызывает приступ зевоты у того, кто привык здороваться ударом по затылку.

А потом они говорят: «Я человек простой». Простота, надо сказать, стала универсальной отмазкой: не понимаю – значит, глупо. Не умею – значит, не нужно. Не пробовал – значит, опасно. Как будто сам Господь Бог выписывает индульгенции всем, кто вставал на рассвете не ради молитвы, а ради спирта в ларьке.

В деревне это особенно видно. Там новый дом воспринимается не как результат труда, а как личное оскорбление. «Понаехали» – это, между прочим, древнеславянское заклинание от зависти. Срабатывает плохо, зато греет душу.

И всё это, всё это заворачивается в тесто под названием «от лукавого». От лукавого – это вообще универсальная формула. Как шапка-невидимка, надевается на любую мысль, которая требует усилий. Спросишь: «Почему ты не учишься?» – «От лукавого». «Почему не развиваешься?» – «От лукавого». Почему ты пьёшь на лестнице, сидя в штанах Adidas 1996 года выпуска и криком

зовёшь Клавку? – А вот это, брат, уже по любви.

Человек, у которого нет ощущения собственной ценности, ненавидит того, у кого она есть. Как собака на цепи, которая не просится на свободу, а просто лает, чтобы никто мимо не прошёл с мороженым. Она не хочет убежать. Она хочет, чтобы весь мир остановился, сел рядом и тоже стал псом.

Впрочем, давайте честно: злодей в этом мире – это игрок в шахматы, который просто пинает доску, если проигрывает. А ты стоишь с белыми фигурами, изучаешь дебют, готовишь красивый гамбит, а он уже съел твои пешки и запивает их пивом. И если ты в этот момент всё ещё думаешь, что сможете договориться, то, возможно, у тебя проблема не с моралью, а с ориентацией в реальности.

И тут начинается самое опасное. Не в них беда – в тебе. Потому что ты смотришь, как они прут вперёд, лгут, грабят, улыбаются в камеру, получают лайки и премии, и начинаешь шептать себе в подкорку: «А может, я просто дурак?» И вот тогда ты становишься опасен сам для себя. Потому что именно в этот момент свет может решить: «Ну его к чёрту, давай я просто потухну».

(во второй части – о шахматах, волках и как выжить, если ты всё ещё не мудака)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Как шахматист устал играть с пьяной обезьяной

Есть такое правило в шахматах: если обе стороны играют идеально – будет ничья. Но где ты видел идеального порядочного человека? Они все с нервным тиком, синдромом спасителя и книгой Сенеки под подушкой. Они все думают, что если объяснить волку теорему Пифагора, то тот перестанет жрать козлят. А мерзавец? Он не играет. Он кидает фигуры в чай, жуёт ферзя, как сахар и, если надо, зовёт на помощь троюродного прокурора. И на его стороне – статистика, пропаганда, и алгоритмы, подсовывающие ему в ленту тех, кто скажет: «Да, брат, ты прав. Добро – это слабость».

Ты думаешь: «Надо объяснить, надо поговорить по душам». А он в это время режет твою душу на порции и жарит на углях, запивая бокалом твоей наивности. Ты хочешь быть добрым пастухом, а он уже записал твои овцы на себя через черного нотариуса.

Ты идёшь с открытым сердцем, а он идёт с открытым уголовным делом – на тебя. И всё, что ты говоришь, звучит для него как музыкальное сопровождение к его монологу о несправедливости жизни, в котором ты – главный виновник.

Хочешь совет? Не пытайся быть хорошим для всех. Особенно для тех, кто вежливо улыбается тебе в лицо, а за спиной точит вилами имя твоей матери. У порядочности должна быть граница, иначе она превращается в приглашение на бесплатную расправу.

Держись своих. Настоящих. Таких, кто знает цену тишине, кто не звонит тебе только когда ему нужно, кто не путает «доброту» с «удобством». Потому что иначе – сожрут.

Не жди благодарности. Благодарность – это слово, которое по ошибке попало в словарь из другой цивилизации. Здесь благодарят только мёртвых, и то – ненадолго. Пока не выяснится, что они кому-то что-то задолжали.

И если лампочку разбили, знай – это не потому что она светила слишком слабо. А потому что слишком ярко напоминала остальным, что они живут в темноте. Тьма не терпит света не потому, что боится, а потому что ей неприятно, когда кто-то в ней вдруг начинает видеть.

И вот ты сидишь, с выключенным светом, с обглоданным сердцем, и думаешь: «А может, ну его всё? Может, и правда, быть мерзавцем проще?» И это – самый честный вопрос, который ты себе когда-либо задавал. Потому что ответ на него – да, проще. Намного. Быстрее. Удобнее.

Но вот только жить с этим – невозможно. Если ты действительно был светом, ты уже не сможешь сожрать другого без вкуса горечи во рту. Не сможешь предать, не задыхаясь. Не сможешь молчать, когда всё внутри кричит.

И ты будешь продолжать идти. Не потому что надеешься. А потому что не можешь иначе.

Пока не упадёшь.

А потом тебя снесут, забудут, заменят чем-то удобным.

И темнота снова скажет: «Ну вот, и этот сдулся».

И будет права.